

НАЦИОНАЛИЗМ И МАСС-МЕДИА

*«Роди патриота – спаси Россию!»
(нация и гендер в демографическом дискурсе
российских печатных СМИ, комментировавших
«демографическое послание» В.В. Путина)*

Арья Розенхольм, Ирина Савкина

А теперь о главном. Что у нас главное? Вот, правильно. В Министерстве обороны знают, что у нас самое главное. Речь пойдет о любви, о женщинах, о детях. О семье. О самой острой проблеме современной России – о демографии.

*(Из «Послания президента
В.В. Путина Федеральному собранию
Российской Федерации», 10 мая 2006 г.)¹*

В своем «Послании Федеральному собранию РФ» от 10 мая 2006 года, говоря о приоритетной для России демографической проблеме, тогдашний президент страны Путин обозначил три основных направления ее решения: снижение смертности, эффективная миграционная политика, повышение рождаемости.

Последний пункт, которому президент уделил больше всего внимания, соответственно оказался в центре обсуждения российских СМИ, особенно в первые недели после выступления Путина. В данной статье мы хотим обсудить некоторые аспекты этой медиа-дискуссии. Объект нашего интереса – не демография, а СМИ; не демографические проблемы, а «проблемы» СМИ, вопросы медиа-дискурсов. Мы хотим проанализировать, как интерпретировалась речь Путина в российских печатных СМИ, обращенных к так называемому «широкому читателю»: какие моменты речи цитировались и обсуждались, под

каким углом зрения, какими словами, то есть нас интересует вопрос, как *СМИ (ре) конструируют идеи, высказанные в Послании президента*.

Материалом для рассмотрения послужили 117 статей, опубликованных в мае–сентябре 2006 г. в 14 общероссийских газетах и журналах². Мы пытались отбирать в первую очередь такие издания, которые обращаются не к узкой или строго адресной (в социальном, профессиональном, возрастном и т.п. плане) аудитории, а, так сказать, «ко всем россиянам и россиянкам».

Наш материал со всей очевидностью показывает, что демографические дебаты имеют политическое значение: обсуждение проблем демографии и репродукции становится тем узловым пунктом, где соединяются различные дискурсы, которые отражают интерпретации интенсивных социальных, политических и культурных трансформаций в сегодняшней России.

Ключевым в нашем анализе был вопрос о том, как через тему «повышения рождаемости» СМИ конструируют (деконструируют? реконструируют?) **концепты гендера и нации**. Эти моменты оказываются тесно и неразрывно переплетенными, и – точно так же – неразрывно связанными и взаимообуславливающими оказываются националистические и сексистские тенденции в медиа-дискурсе, на которые мы хотели бы обратить особое внимание.

Медиа-дискурс – это речевой акт, характеризующийся имманентной нестабильностью, подвижностью: он осуществляется всегда здесь и сейчас, но одновременно постоянно ссылается в процессе создания аргументации «за» и/или «против» на уже существующие мнения. Это очевидно и по отношению к нашему материалу. Например, в работах Мишель Ривкин-Фиш о советских и постсоветских демографических исследованиях уже можно обнаружить те дискурсивные матрицы, которые варьируются или цитируются современными масс-медиа. Мы имеем в виду выражения озабоченности и тревоги по поводу размера и качества «русской нации», апокалипсические образы надвигающейся катастрофы и геноцида русского народа, имплицитно и эксплицитно обнаруживаемую связь между (пост)советской репродуктивной политикой и национализмом, гегемонический пронатализм (свойственный советской эпохе в целом)³.

Главным инструментом анализа современной демографической дискуссии в СМИ, возникшей вокруг послания Путина, для нас будет метод риторического анализа, то есть мы будем в первую очередь обращать внимание на диалогический контакт между реальностью и языком как автономной составляющей символического порядка⁴. С точки зрения риторики, как показал в своих классических работах Кеннет Бёрк, особенно интересны и важны текстовые повторы и цитаты⁵, с помощью которых создаются коммуникативные смыслы, сообщения (*идентификации*⁶ – в терминах Бёрка). Читатель (и исследователь) может или принимать эти идентификации «на веру» или деконструировать и демистифицировать их. Кроме того, важно заметить, что риторика действует таким образом, что с ее помощью сложные и неоднозначные проблемы и про-

цессы упрощаются. Это упрощение, в частности, выражается в том, что статьи предлагают читателям несколько простых и знакомых историй, которые быстро опознаются последними именно потому, что они узнаваемы, с ними легко отождествиться, мобилизуя ресурсы коллективной памяти, ссылка на которую позволяет творить новые причинно-следственные связи.

В нашем материале можно выделить три основных сюжета (master plot) обсуждения демографической проблемы. Это история о России, находящейся в опасности, история о любви и браке между матерью-Россией и отцом-государством и история обмана и недоверия. Несмотря на различия между собой, все эти три сюжета так или иначе рассказывают о Родине и Отечестве.

Подобные культурные конструкции, как показала Ирина Сандомирская, – это «не названия географических или административно-политических единиц, а группа метафор, через призму которых концептуализируются определенные социальные концепты, некие специальные модели отношений между индивидом и обществом, между гражданином и государством, между личностью и централизованной идеологической системой»⁷. Пространство национальной общности, творимое через Родину и Отечество, частично совпадает с метафорической семьей, которая представляется в нашем материале методом от противного: через потерю идеальной русской семьи, существовавшей в прошлом (см. ЛГ, 19.07.06; РГ, 18.07.06).

Место, страна с помощью метафор, связанных с семьей и рождением, культурно и психологически смешивается с идеей семьи, родства, «свойскости», что принуждает читателя отождествлять территорию с ее жителями: *наша* страна должна быть населена *нашими* людьми, рожденными *нашими* женщинами, а не иммигрантами. В исследуемых нами материалах приводятся слова читателей, экспертов, суждения журналистов. И те, и другие, и третьи могут быть серьезными, пафосными или ироническими. Но, несмотря на все различия между жанрами и интонацией изложения, присутствующие в газетных и журнальных публикациях постоянные риторические повторы позволяют обратить внимание на то, что, употребляя «политически корректные» термины «российский», «россияне», авторы очень многих исследуемых нами статей ведут речь не о совокупности разных в национальном, этническом и конфессиональном аспекте граждан Российской Федерации, а о «генетически чистых» русских.

Особенно это станет очевидным, если мы подробно сосредоточимся на анализе первого из названных медиа-сюжетов: истории о страдающей, находящейся в смертельной опасности России.

Эта история базируется на культурно ожидаемом преаргументе, то есть на таком необсуждаемом, предстающем как нечто «само собой разумеющееся» исходном пункте и ценностном критерии, существующем за пределами и до начала риторических расхождений, который исследователи называют *локусом*⁸. В данном случае это локус, где русский народ пребывает в опасности, родина изображает-

ся в качестве жертвы, а будущее страны представляется как апокалипсическое («вымирание»). В газетах явно нагнетается атмосфера угрозы, опасности, тревоги, почти безнадежности⁹. «Самой острой проблемой стал демографический кризис (курсив здесь и далее наш – А.Р.&И.С.); ученые бьют в набат; *вымрем*, как мамонты; никто красок специально не сгущает – ситуация у нас *катастрофическая*. Уже к середине века мы как народ и государство *рисуем исчезнуть*» (КП, 15.05.06); «Семья сегодня в *глубоком кризисе*, а население страны *умирает устрашающими темпами* – с этим согласны даже завзятые оптимисты» (МК, 15.05.06); «сегодняшняя демографическая ситуация – *это угроза национальной безопасности*» (МК, 31.05.06); «Вопрос стоит так: быть России на карте мира или нет? *Шансы на выживание есть, но они не очень велики*» (КП, 15.05.06); «Россия совершает *демографическое самоубийство*» (МК, 30.06.06); «Но *самое пугающее*: эксперты не уверены, что даже самые решительные действия власти способны переломить эту тенденцию» (МК, 30.06.06).

Национальная катастрофа, угроза национальной безопасности, уничтожение генофонда, убыль, деградация, моральная катастрофа, потери, опасность, тревога, устрашающая ситуация, невероятные трудности, ужас – эти слова как заклинания повторяются из статьи в статью. Панический, апокалипсический дискурс – мотивация призыва к «сбережению народа» (это выражение Александра Солженицына цитируется как в речи Путина, так и в материалах СМИ (Из., 11.05.06; Газ., 25.05.06).

«Мы находимся в опасной близости от последней черты, за которой депопуляция станет неизбежной» (РГ, 18.07.06), и потому патриотический долг любого гражданина – спасти мать-Родину и отца-государство (Отечество), рожая больше детей в соответствии с нацпрограммой повышения рождаемости. В статье «Опустеет Россия» (МК, 30.06.06) говорится: «Очень хочется, чтобы Россия осталась Россией [...]. Похоже, особого выбора у патриотично настроенных россиян нет. Хотите помочь себе и своей стране? Рожайте!»

Во многих заголовках и призывах статей слышна мобилизационная интонация и милитарный словарь: русских призывают к борьбе за спасение отечества, к новой отечественной войне на поле рождаемости: «*Не пощадим живота своего*» (РГ, 12.05.06); «*Мужчин зовут на борьбу за рождаемость*» (КП, 18.05.06); «*Роди троих – спаси Родину!*» (КП, 15.05.06); «*Всем – рожать!*» (Газ., 16.05.06); «*Выход один – больше рожать*» (НВ, №23, 06); «*Родят патриота*» (НИ, 27.10.06). Статья в «Аргументах и фактах» называется «Война против России»; Е. Лахова, комментируя речь президента, употребляет слова «детонатор» и «ударная волна» («призыв президента России к женщинам резко начать рожать и обещанная компенсация [...] сработали как детонатор, а ударную взрывную волну [...] приняла на себя [...]») (МК, 31.05.06)

Происхождение названного локуса можно найти в археологии русского знания, где отечество перманентно пребывает в опасности. Ирина Сандомирская

пишет: «Отечество не имеет существования вне контекста об угрозе внешнего нашествия. Оно никак не проявляет своей экзистенции, если такой угрозы не существует. Иначе говоря, Отечество существует настолько, насколько существует враждебная ему сила. Если такой силы не будет, не будет и Отечества. Поэтому “нормальный” модус функционирования Отечества в этом идеологическом пейзаже – это постоянная угроза войны и постоянное состояние мобилизации со стороны его сынов. Даже мирное процветание Отечества – не что иное, как “запев”, тот пролог, от которого мы переходим к высокой трагедии под названием “Отечество в опасности!”. Сконструированное таким образом Отечество – *всегда* в опасности, такая Родина-мать – *всегда* зовет. Militarизм – не следствие, а конституирующее условие дискурса об Отечестве, равно как и сам дискурс об Отечестве – это мифологический нарратив о локальном апокалипсисе».¹⁰

С помощью всеупотребительного культурного кода – «мы (наше Отечество, страна наших отцов) в опасности», посредством обращения к культурной памяти русской публики (читателя), хранящей этот код, – творится нация. В это понятие включаются концепты «мы – русские», «мы – уникальные» и «мы – под угрозой».

Дискурс нации пропитан мифологической и моральной риторикой. Он включает центральную метафору народа, указывая на коллективное сознание российскости (русскости) как источник национальной и этической добродетели. Вечная битва моральных ценностей – добра и зла, истинного и ложного (*МН*, № 20, 06) – соединяется с другими знакомыми российскими бинарными сущностями, такими как прошлое/будущее, душа/тело, высокое/низкое, Запад/Восток, Мы/Они (другие). Эти бинаризмы, с одной стороны, поддерживают идеи вечного страдания и бедности (оскудения) народа, с другой стороны, демонстрируют, что этот же народ награжден и получает компенсацию в виде морального богатства. Несмотря на то, что Россия бедна в сравнении с благополучной и сытой Европой, политолог А. Ципко в заметке «Энергия достоинства» говорит: «Путин выступил как борец за сохранение устоев [...] Путин легализовал право народа требовать более справедливого использования национального богатства. Одобрил запрос на более сильную армию и безопасность. Поддержал в стремлении возродить здоровое в моральном и духовном отношении общество» (*Из.*, 25.05.06).

Согласно культурной динамике ламентации, так характерной, как показала Нэнси Райс, для русского дискурса¹¹, сегодняшняя жизнь редко получает позитивные оценки. В центре внимания чаще оказывается прошлое, существовавшие, но утраченные ценности и идеи, «устои», подчеркивается мысль, что прагматические социальные реформы не принесут позитивных результатов, если русский народ не вернется к своим утраченным, но одновременно парадоксальным образом сохраненным, существующим в глубинах актуальной коллективной памяти духовным ценностям. Такая перспектива активизирует анахроничный лексикон, связанный с победительной национальной традицией.

Несмотря на все угрозы и плачи по вымирающей России, читателей убеждают: «мы» справимся и все превозможем потому, что есть специфическая русская (российская) ментальность и традиция: «российский менталитет – он особый. Пройдет какой-то период, но мы все-таки должны вернуться к тому, чем сильна все-таки Россия – традициям. Не случайно президент говорил о семейных ценностях, о семье», – утверждает на своей пресс-конференции Е. Лахова (МК, 25.05.06). «Если мы хотим выбраться из демографического кризиса, надо вернуться к семейному идеалу наших бабушек и прабабушек» (КП, 19.05.06). Статьи с такими названиями, как «Русский крест над Россией» (РТ, 18.07.06), «Русская мать-трешка» (МК, 07.07.06), «Как нам сберечь народ?» (АуФ, № 20, 06), «Чтоб свеча не погасла» (АуФ № 20, 06), содержат абстрактно-религиозную концепцию великой духовной мощи русского народа.

Концепт уникальности, эксплицитно и имплицитно присутствующий в медиатекстах, подразумевает геополитическое положение и культурную позицию России между Востоком и Западом. Эта уникальность и промежуточность подкрепляется, как уже говорилось, ударением на том, что генотип русского народа находится под угрозой внешних и внутренних сил. В ход идут содержащиеся в культурной памяти и перманентно (с помощью риторических повторов) разыгрываемые парадигмы негативной идентичности, описанные социологом Львом Гудковым¹². Современным читателям напоминают о войнах, страданиях и победах как свидетельствах единства нации перед лицом врагов, чужих, внешней и внутренней угрозы. Лексикон опасности и битвы с угрозами опирается как на факты советской истории (революции, войны, перестройки), так и на риторические слоганы советского времени. Так, член Думы Е. Лахова на пресс-конференции, стенограмму которой публикует «Московский комсомолец», подчеркивает: «Ленин говорил: “Учиться, учиться и учиться”, а Путин сказал: “Рожать, рожать и рожать!”» (МК, 22.05.06). Кроме войны и революции аналогией нынешнего демографического сражения оказывается славная, но трудная битва за освоение космоса: «Аналогов мерам, которые сейчас необходимо принять России, нет и не было нигде в мире. По затратам и сложностям они несопоставимы даже с освоением космоса в советскую эру» (МК, 30.06.06). Преаргументы конструируются с помощью упрощения и повторения национальных религиозных, культурных и мифических элементов, апеллирующих к скрытым и умалчиваемым мотивам, существующим в коллективной памяти читателей как членов «воображаемого сообщества» (по Бенедикту Андерсону¹³).

Эти простимулированные СМИ мотивации должны поддерживать веру читателей в лучшее будущее, за которое нужно быть готовым бороться: мужчинам в качестве (сексуальных) богатырей, женщинам – в качестве «природных», инстинктивных, потенциальных матерей. В этом медиа-дискурсе Россия существует не столько как территория, сколько как символическая система, риторическая машина, где циркулируют универсальные образы времени и власти внутри фигур и символов, производящих «нас».

Но кто такие «мы», что включает в себя это продуцируемое СМИ в демографической речи понятие «национального единства», «рожающей России»?

Как уже говорилось выше, национальные самоидентификации творятся с помощью образа врага. Это внешние и внутренние враги, чужие и другие, если вслед за Львом Гудковым будем считать, что «чужой – отмечает внешние пределы “своих”, пределы понимания и идентичности группы», в то время как функция *другого* – «указать изнутри, то есть в ценностной перспективе общепринятых значений группы на культурные границы “мы-группы”, зоны “своих”, пределы “наших”»¹⁴.

Внешние враги – это разного рода носители чуждых русской духовной традиции либерально-прагматических ценностей, которые разрушают «устои» и «развращают» русских потенциальных матерей эмансипаторскими идеями и искусствами легкой жизни. В этом качестве выступают условно-символические Америка, Европа, Запад и пятая колонна внутри страны (либералы и феминистки). К тому, какие национальные и гендерные идеи развиваются с помощью этих моделей инаковости, мы вернемся чуть ниже.

Внутренние «чужие» в демографическом дискурсе определяются через понятия «исламизация» (или «китаизация») и «люмпенизация». «Комсомольская правда» приводит мнение врачей-акушеров московской клиники: «Мы ожидаем скорее наплыва алкашей, которые захотят получить побольше денег, и осевших в Москве мигрантов с Кавказа и Средней Азии. А коренные москвички, наверное, как раньше рожали, так и будут рожать» (КР, 19.05.06). В другом материале той же газеты приводится мнение эксперта – научного руководителя центра социальных исследований Евгения Гонтмахера: «Да, демографический эффект действительно будет. Особенно на Кавказе, где никогда с рождаемостью проблем не было и, пожалуй, в бедных маргинальных семьях» (КП, 11.05.06). Другой эксперт, старший научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения МГУ В. Архангельский говорит: «Если мы будем пытаться покрывать естественную убыль населения мигрантами, то очень скоро получим другую страну. Другую по этническому составу и названию. Ассимиляции не произойдет. Они будут жить на нашей территории, но отдельно от нас». (КП, 15.05.06). «Московский комсомолец» приводит мнение молодого человека с московской улицы: «Теперь Кавказ совсем обнаглет. Они и так плодятся, как кролики, а уж тут-то им вообще раздолье будет. Русских не останется, вот чего вы добьетесь» (МК, 15.05.06). Голос другого человека «из народа»: «Рожать-то будут. Но смотря, кто и кого... Надо прежде всего заинтересовать русских. Иначе через 10 лет нас китайцы и вьетнамцы шапками закидают» (Лидия, читательница Интернет-сайта газеты, КП, 11.05.06). Как видим, и в мнениях экспертов, и в отзывах «с улицы» не делается различий между мигрантами из других государств и нерусским населением собственной страны (теми, кто имеет все права называться «россиянами»)¹⁵.

Известный газетный аналитик Максим Соколов в газете «Известия» называет демографическую речь Путина «сильным политическим ходом», потому что он спровоцировал своих оппонентов (в частности, Бориса Немцова) в ходе критики этой речи высказать мысли, близкие к расизму или социальному расизму. «Есть рождаемость и рождаемость. Есть такая, прирост которой крайне желателен, и есть такая, которой лучше бы было поменьше. Критики прямо говорят, что в результате можно получить а) стимулирование рождаемости среди инородцев, которые и так плодovitы, а станут еще более – отчего этнокультурный баланс в России еще более сдвинется в их сторону со всеми отсюда вытекающими последствиями; б) поощрение люмпенов к деторождению, что лишь увеличит число трудных детей». Такие идеи, по мнению М. Соколова, имплицитно содержатся в программе Путина, однако произнести вслух столь «неполиткорректные мысли» было бы «политически самоубийственно». «Ситуация была бы безвыходная, когда бы президент РФ не произвел передачу хода, после чего в желании его погромить либеральные критики сами сказали то, чего президент сказать не мог» (Из., 18.05.06).

Конечно, в материалах СМИ звучат и иные голоса. Говорится, что проблемы контроля над территориями может разрешить грамотное перемещение трудовых ресурсов внутри России (из более населенных районов – с того же Кавказа, в менее населенные – на пустые пространства Сибири) (Мавлат Бажаев «У России есть опыт решения демографических проблем» – *НИ*, 01.06.06); что привлечение мигрантов в российскую экономику неизбежно и нужно разумно готовиться к этому «неприятному сюрпризу». «Сегодня даже среди интеллигентной публики считается хорошим тоном жаловаться на наплыв в Россию уроженцев с Кавказа и Средней Азии. Но очень вероятно, что через пару десятилетий те же таджики будут представляться нам до боли родными» (альтернативой окажется только Юго-Восточная Азия) (М. Ростовский «Опустеет Россия», *МК*, 30.06.06).

Однако преобладает «патриотическая» точка зрения – она поддерживается посланием президента и доминирует в газетных материалах: решать проблемы не за счет миграции (внешней и внутренней), а за счет рождаемости (причем без люмпенизации и исламизации), то есть повысить рождаемость качественных русских. Как отмечает политолог В. Иванов, «подобные меры (завоз мигрантов – А.Р.&И.С.) малопопулярны. Это не говоря уже о том, что они в принципе не могут считаться действенными в стратегической перспективе, поскольку предполагают не сохранение российского народа, а его фактическую замену» (Из., 11.05.06). Из состава российского народа, кроме «инородцев», «выводятся» также «собственные *другие*»: социальные маргиналы, беднейшие русские, алкоголики и аутсайдеры. То есть речь идет о воспроизводстве этнически правильных и «чистых» в биогенетическом отношении «россиян» (фактически же речь идет о русских). То, что авторство подобного рода высказываний в газетных материалах приписывается людям из толпы, политическим деятелям,

комментаторам, а не собственно журналистам, в данном случае неважно, так как работает риторический закон повторения, который воспроизводит и конструирует желательные концепты.

Все вышесказанное показывает внутреннюю противоречивость национального дискурса: говоря о единстве и уникальности, употребляя термин *россияне*, он, с другой стороны, разделяет, совершает селекцию на «своих» и чужих/других, которые должны быть исключены из национальной общности¹⁶. Надо, чтобы было больше русских россиян хорошего качества. Тем самым в этом дискурсе постоянно репродуцируется идея опасного чужого, который хочет внедриться или уже внедрен в тело нашей матери-Родины, и поэтому, откликнувшись на призыв президента «Рожать, рожать, рожать!», он, как героиня фильма «Чужие» (*Aliens*), может родить чудовищ, которые ее погубят или изменят до неузнаваемости.

Националистические (шовинистские) тенденции в обсуждениях проблем увеличения народонаселения в СМИ соседствуют и переплетаются с сексистскими. В демографическом дискурсе связываются воедино понятия *народ*, *национализм* и *гендер*. В текстах статей можно найти аналогии между положением народа (нации) и женщин: и в том, и в другом случае говорится об угрожающей ситуации, о необходимости мобилизации сил для спасения. Страдающая, невыносимая, терпеливая Россия медиа-литаний¹⁷ в культурной памяти связана с концептом женскости; «вечные» ценности России аллегоризированы телом настоящей русской женщины. Женская роль в этой медиа-драме лимитирована. Женщины должны быть защищены в качестве матерей и моральных вдохновительниц. В публикациях широко применяется прием натурализации: слово «женщина» употребляется чаще всего как синоним матери, и единственной ее функцией – ее природным предназначением – объявляется рождение детей. В статье «Благословите женщину» читаем: «[...] для того, чтобы страна вышла из кризиса, россиянкам нужно рожать более двух детей [...] Если женщина лет с двадцати с перерывом в полтора-два года родит трех-четырёх детей, это будет полезно и для ее детей и для ее здоровья» (РГ, 12.05.06). Публикации пестрят такими выражениями, как «природное предназначение», «долг женщины перед природой и государством» и т.п.

Вообще категории долга, ответственности и вины связываются именно с женщинами. В определенном смысле именно на них перекладывается вина за демографический кризис. Женщины хотят делать карьеру, зарабатывать, они забыли свой долг, стали либерально относиться к разводам и незарегистрированным бракам. Все это – скорбные плоды многолетней (и, вероятно, бессмысленной?) борьбы за женское равноправие. В материалах нередко можно найти прямые или скрытые ссылки на эмансипационные (псевдо)достижения советского времени. Статья «Великая октябрьская сексуальная революция» (*АиФ*, № 21, 06) демонстрирует, как в советский период женщину «развратили» политикой равноправия, легализацией абортотворения и пропагандой свободной любви.

Игорь Белобородов, директор Центра Демографических исследований выражается в интервью газете «Газета» еще ясней: «Послание несет позитивный заряд в смысле создания более теплого отношения к семье, материнству и отцовству. Это очень важно после десятилетий разрушительной политики, которую проводили по отношению к семье большевики и их наследники. Легализация аборт и разводов, отрыв женщины от семьи и включение ее в процесс производства, разрушение Церкви – это привело к тому, что [...] рождаемость упала» (*Газ.*, 16.05.06).

Собственно говоря, практически все достижения женской эмансипации (образование, участие в производстве, возможность самой зарабатывать, планирование семьи, самореализация, независимость, право на контроль за собственной жизнью и т.п.) попадают под подозрение, все они объявляются в большей или меньшей степени помехой на пути исполнения женщиной своего материнского и патриотического долга (что в данном контексте одно и то же). «После того, как женщине дали возможность получать высшее образование, ожидать, что у нее будет 8–10 детей, как у наших прабабушек, очень трудно», – приводит «Комсомольская правда» (11.05.07) в статье «Любовь и деньги спасут Россию?» слова эксперта Ирины Збарской.

«Какие сейчас тиражируются образы женщин?» – спрашивает автор статьи «Позабуду мать родную» в «Комсомольской правде» (22.06.06). «Она или раба пола или бесполое мужеподобное существо. Под светом юпитеров или светская львица, царица ночных тусовок, раба «Формулы красоты», да просто «ночная бабочка». Или жесткая «бизнес-вумен», отчаянная карьеристка да просто феминистка, стремящаяся перещеголять в тождестве – не в равенстве! – с мужчинами своих сумасшедших американских единомышленниц. «А где мать, где мадонна с младенцем?». Демонизируемый Запад (Америка, Европа) с его либеральными ценностями, феминизмом, идеями планирования семьи и контрацепции изображается как враг, ведущий «Войну против России» (*АиФ*, № 20, 06) и против «правильных» русских женщин-матерей.

В СМИ очевидным образом создается бинарная пара хорошая/плохая женщина. Идеализированная хорошая женщина – жертвующая собой во имя Родины и семьи мать. Этот образ поддерживается включенными в медиа-дискурс традиционными – религиозными, культурными и государственными – символами (в том числе и через сопровождающие статьи иллюстрации): богородица (мадонна с младенцем), Родина-мать, мать-героиня. На другом полюсе – эгоистическое чудовище, забывшее свой природный и патриотический долг во имя ложных ценностей: самореализации, карьеры, интересной жизни, путешествий, удачливости и даже – желания есть досыта. В редакционной «подводке» к обсуждаемой в 23 номере «Литературной газеты» за 2006 г. теме «Женское счастье» читаем: «Самое большое счастье – это осознание того, что тебя любят. Отказываясь от материнства, мы отказываемся от любви. От своего будущего. От своего сча-

стья и от красоты. Что может быть трогательнее округлившегося животика, в котором бьется новая жизнь? Первого крика, первой улыбки, прикладывания к груди? Ни удавшаяся карьера, ни путешествия по экзотическим местам не дадут того феерического чувства, которое возникает, когда малыш приходит в восторг просто от того, что над ним склонилась мама. Увы, сегодня модно быть богатым, сытым, удачливым. Выпячиваем свою успешность, прячем счастье...» (*ЛГ*, № 23, 06).

Успешность, самореализация, благополучие оказываются антонимами понятий счастья и любви, они представляются как несовместимые с радостями жертвенного материнства.

С помощью идеализации, символизации, риторического осуждения и принуждения опять выстраивается домостроевский идеал женщины, отказавшейся от всего (от себя) во имя исполнения идеи долга перед государством (который маскируется в идею долга перед природой). Если ты не с нами, то – против нас: в стане названных выше «врагов» с их «бесовскими» идеями контрацепции, планирования семьи, легализации аборт и пр. и пр. Между тем, разрешение аборт по социальным показаниям опасно – потому что, как простодушно проговаривается Игорь Чиндин, исполн. директор центра демографических исследований в статье «Война против России» (*АиФ*, № 20, 06), «эти показания – бедность, плохие жилищные условия, отсутствие постоянной работы, развод и т.п. – имеются практически у каждой женщины». Таким образом, внутри оппозиции хорошая/плохая женщина добавляется противопоставление Россия/Запад, а кричащие социальные проблемы оказываются лишь предлогом для дурной, феминистски ориентированной женщины увильнуть от исполнения своего природного предназначения и патриотического долга.

Мужчины в дискурсе демографического обсуждения редко присутствуют в роли отцов. Сама программа повышения рождаемости, идея «плодородия» представляется как адресованная по преимуществу (если не сказать «только») женщинам. «Что предложил Путин россиянам, *вернее россиянкам*» (курсив везде наш – А.Р.&И.С.), – пишет «Московский комсомолец» в статье «Час Путина» (*МК*, 11.05.06). «Женщины вчера с интересом послушали Послание Путина – ведь он говорил о грядущем “демографическом прорыве”» (*МК*, 12.05.06). «Серьезная помеха – низкая потребность *жительниц* столицы в детях» (*КП*, 19.05.06, в статье с выразительным названием: «Москвичкам некогда рожать, они заколачивают бабки»); «*москвички* очень либерально относятся к регистрации брака, к разводу» (там же). В статье «Позабуду мать родную» обозреватель Инна Руденко цитирует «признание настоящего мужчины и настоящего большого поэта» В. Корнилова «Однако семью и родину По силам спасти Только женщине» (*КП*, 22.06.06).

Медиа-тексты прямо и скрыто играют словами «рожать», «роженица» и «родина» (на первой странице № 20 «Аргументов и фактов» помещено изображение беременной Родины-матери с известного плаката времен Великой Отече-

ственной войны). При отсутствующем отце его роль выполняет государство. Это оно создает семью с русской женщиной, с рожаящим телом Родины-матери, оживляя существующий в русской культурной памяти концепт священного союза правителя и «Русской Земли»¹⁸.

Присутствие реальных отцов не актуально с точки зрения власти: в статье В. Максимова «Надо и размножаться и служить» (*НИ*, 08.06.06) говорится о том, что в Думе рассматривается вопрос о лишении отсрочек от призыва в армию молодых отцов (имеющих детей до 3 лет или беременную жену); деньги, выделяемые на второго ребенка, называются не «семейным», а «материнским капиталом» и т.п.

«Кормильцем» семьи становится государство. «Если государство нам поможет, – говорят российские женщины» (*РГ*, 12.05.06). «Главное – государство помнит, ценит, протягивает руку помощи» (там же).

Оно же, государство, заменяет (подменяет) биологического отца. В статьях употребляются такие словосочетания, как «государственные дети» (*РГ*, 18.07.06), «президентские дети» («основной бум рождаемости президентских детей придется на вторую половину года» (*МК*, 26.07.06). «дети П. (в смысле дети Послания)» (*МК*, 12.05.06); «Дети Медведева» (название статьи Н. Красиловой, *НИ*, 22.05.06). Иногда государство оказывается метонимическое олицетворено фигурой известного политика или чиновника «Отец-герой» *Георгий Босс*» (*НГ*, 19.06.06); «*Россель ждет прибавления*» (*НГ*, 19.06.06), «*флагман отечественного плодородия Борис Немцов*» (*Из.*, 16.05.06).

В статье «Дети Медведева» говорится, что назначение Медведева «главным куратором рождаемости» может быть знаком того, что именно на него возлагается роль преемника, будущего отца нации (*НИ*, 22.05.06). В другой статье того же автора (Н. Красиловой) «Бума рождаемости пока нет» (*НИ*, 13.10.06) рассказывается о посещении тогдашним президентом Путиным роддома в г. Кургане. Отец (нации) навещает родивших мам, которые показывают ему детей, делятся радостью и т.п.: «обе мамы обещали президенту продолжить работу над демографической проблемой...», – иронически замечает автор материала.

То есть власть, государство и метонимически представляющие его высшие лица и чиновники выступают в роли истинных отцов, составляют семью с женщинами, на которых возложен патриотический долг рожаящих тел.

Реальные мужчины выводятся из состава семьи, они не вызывают доверия. «Я считаю, что женщины не рожают детей из-за того, что у них нет уверенности в мужчине», – говорит инженер С. Вербин, который предлагает всем завести по секс-паспорту («Каждому по секс-паспорту», *РГ*, 30.06.06).

Мужчинам отводится роль не отцов, а «семени». Например, в статье «Атаман приказал рожать» (А. Шаповалов, *НГ*, 29.05.06) власть (атаман Азовского юрта) приказывает «всем женатым казакам довести количество детей в семье до максимально возможного», или в другой статье рассказывается, как губернатор

Ульяновской области отпускает своих чиновников с работы для того, чтобы дать им шанс «зачать патриота» (М. Белый «Аппаратное зачатие», *НИ*, 13.09.06).

Если государство присутствует в материалах СМИ в роли отца и кормильца, женщина – в качестве матери и работницы «репродуктивного производства», то мужской образ связан с идеей сексуального богатства. В большинстве материалов на первое место выходит фигура сексуального гиганта, большого героя большого секса с патриотической подоплекой. Игривость определенного типа видна в названиях статей: «Каждому по секс-паспорту» (*РГ*, 30.06.06), «Мужчин зовут на борьбу за рождаемость» (*КП*, 18.05.06), «Чтобы панцирные сетки затряслись» (*НГ*, 19.06.06). Часто материал, снабженный многообещающим названием, никак эти «обещания» не оправдывает, но, отдавая дань авторскому остроумию и стратегии завлечения читателя ударным заголовком, нельзя не отметить, что последние вносят свою лепту в формирование дискурса разделения гендерных ролей в отношении к демографической проблеме. При этом у женщины внутри этого дискурса мужского сексуального героизма появляется еще одна обязанность (приходящая в абсолютное противоречие с моделью «правильной» женщины-матери) – стимулировать эротические подвиги русских богатырей. Например, в статье «Зачем вам, Маша, мандат» (*КП*, 30.05.06) говорится, что шоуменши Маша и Ксюша должны не в политику стремиться, а, так сказать, наглядно агитировать мужчин потрудиться над повышением народонаселения. В материале «Юбка наш рулевой» (*НГ*, 31.05.06) юмористически доказывается, что если женщины перейдут со стиля «унисекс» на мини-юбки, это даст взрыв рождаемости по стране.

Эротические коннотации, связанные с мужским, пронизывают обсуждение демографических и околodemографических проблем. Возводимое в Москве многоэтажное здание нового ЗАГСa изображается как фаллический символ («Рождаемость в столице повысит новый ЗАГС» (*КП*, 24.07.06), демонстрация патриотическо-эротической мощи становится аргументом в политическом соперничестве. Газета «Аргументы и факты» (*АиФ* № 20, «Родить за 10 дней», рубрика «Жизнеспособность политсубъектов») цитирует В. Жириновского: «Я вызываю Зюганова на поединок и обещаю, что через 10 лет у меня будет четверо детей и я тем самым внесу свой личный вклад, а у него ничего не изменится». Такие остроты, как «чиновники создадут еще один орган, на сей раз детородный» (*НИ*, 22.05.06), явным образом поворачивают разговор в сторону эротической игры. Мужчина получает роль патриотического Казановы («настоящего мужика и патриота») в таких, с удовольствием цитируемых, высказываниях читателей: «Слава России! Виват! За дело мужчины! Даешь крепкую семью! Больше детей – красивых и умных! Мужики остались в России или только педики?» (*КП*, 22.05.06). Словом, СМИ в своих комментариях речи президента конструируют то же гендерное «разделение труда» по отношению к демографической проблеме, которое озвучено через радио «Шансон» ставропольской группой «Подобру-поздорову»: «Ну-ка, мужики, вперед и с песней. / По-стахановски работать

будем: / У кого-то пусть кроватка треснет, / Починить назавтра не забудем. / Эй, девчонки, надо постараться, / Чтоб мужик не смог от вас сбежать. / Надо физкультурой заниматься, / И рожать, рожать, рожать, рожать» (опубликовано в журнале «Огонек» № 22, 06).

Почти все статьи, названные выше, отображают тему иронически, однако с помощью риторических идентификаций (по Берку) они тем не менее участвуют в (ре)конструировании гендерных и национальных конструкторов, где женщинам и мужчинам приписана биологическая роль: женщины – рожаящие, присвоенные государством тела, мужчины – осеменители, сперма государства.

Собственно семью в такой конструкции составляет символическая репрезентация женщины-матери (родины) (имеющей мало общего с реальными и разными женщинами) и отца-государство; власть, которая абсолютно маскулинизирована, он(о) выполняет роль защитника, патрона и наставника.

Отношение журналистов и читателей к вышеизложенному противоречиво. С одной стороны, и те и другие участвуют в воспроизведении и закреплении подобных конструкций, с другой – явственно слышен голос скептицизма и недоверия. В демографической медиа-драме есть и третий сюжет, на котором мы здесь не останавливаемся подробно. Это сюжет о подозрении и обмане: люди не доверяют власти, уверены, что их снова обманут, что деньги разворуют, что выгоду получают только чиновники, что государство не сдержит своих обещаний и т. п. «У меня трое детей [...]. Никаких льгот я не видела [...], я никто, пустое место [...]. Поэтому я этому обещанию не верю, это просто болтовня “если бы да кабы”» (КП, 20.05.06). «Что дают эти 250 тыс. за второго? На руки их не дадут, фактически растить ребенка на них невозможно, да придумают еще тысячу поводов, чтобы не было возможности воспользоваться данным “благом”. Очередной ваучер придумали. Всю жизнь нам говорили: вы когда рожали, что думали? Государство вам ничего не должно!» (там же). «Да ничего нам не дадут! Я лично от нашего государства ничего хорошего не видела. И тут тоже обман [...].» (МК, 15.05.06).

Иронический тон очень многих публикаций в газетах (см. «В гостях у сказки», НИ, 23.05.06; «Равнение на активистов политплодородия!», Из., 16.05.06; «Уроки демагогии», НИ, 23.05.06; «Не оказались бы обещанные 250 тыс. рублей очередным ваучером!», КП, 20.05.06 и многие другие) – это тоже попытка деконструировать патриотически-домостроевский прогосударственный пафос обсуждения.

Важно и то, что общероссийские газеты, о которых шла речь, не являются идеологическими клонами друг друга, их позиции во многом различны. Кроме того, существует масса изданий, не включенных в данное исследование. Нашей задачей было рассмотреть по преимуществу *национальный и гендерный аспект* освещения демографической проблемы, сделав акцент на *общей, доминирующей тенденции*, которую можно наблюдать в изданиях, *обращающихся к широкой публике*.

Если же мы бросим взгляд на газеты и журналы, которые адресуются к конкретной (в социальном, идеологическом, профессиональном, возрастном и т.п. плане) аудитории, то увидим здесь иные тенденции. Приведем только два примера. Журнал «Итоги», ориентирующийся на так называемый средний класс, откликнулся на поднятые в Послании президента проблемы статьей «Профессия-мать» (09.10.06), где говорится о проблемах успешной, работающей женщины, о том, как помочь ей совместить карьерный рост с материнством (главной фигурой ответственности становится работодатель и его политика по отношению к матери). Оппозиционная «Новая газета» в номере от 15.05.06 поместила материал под выразительным названием «Поддержим отечественного производителя пушечного мяса!».

Это значит, что, с одной стороны, через российские СМИ (в отличие от советских) можно получить представление о том, что общество не гомогенно и представляет собой сложный, многослойный социальный организм с очень разными установками и интересами, но, с другой стороны, общероссийские издания ориентируются на некоего усредненного «широкого читателя», которого они, судя по проанализированным нами публикациям, представляют как носителя некой традиционно мистической и мистически традиционной, заполненной стереотипами русско-советской души. Но таким образом СМИ активно участвуют в воспроизводстве (или производстве) этих утопических и, на наш взгляд, небезопасных стереотипов.

-
- 1 http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml
 - 2 8 ежедневных газет (Газета (Газ), Комсомольская правда (КП), Московский комсомолец (МК), Независимая газета (НГ), Новые известия (НЗ), Парламентская газета (ПГ), Российская газета (РТ)); четыре ежедневных газеты (Аргументы и факты (АиФ), Литературная газета (ЛГ), Московские новости (МН), Новое время (НВ)), два еженедельных журнала (Огонек и Итоги)). Большая часть материалов найдена с помощью системы Интегрум (ключевое слово рождаемост[ь]).
 - 3 Rivkin-Fish, M. «From “Demographic Crisis” to “Dying Nation”: The Politics of Language and Reproduction in Russia», in *Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture*, H. Gosciolo and A. Lanoux, eds. (Northern Illinois: University Press, 2006).
 - 4 См., например: Parker, I. *Discourse Dynamics. Critical Analysis for Social and Individual Psychology* (London, Routledge, 1992); Fairglough, N. *Discourse and the Social Change* (Cambridge: Polity Press, 1992); Potter, J. *Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction* (London: Sage, 1996).

- 5 Burke, K. *A Rhetoric of Motives* (Berkeley: University of California Press, 1969), p. 26.
- 6 Ibid., p. 20-29.
- 7 Сандомирская И. «Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик», *Wiener Slavistischer Almanach*, Sbd. 50, 2001, с. 23–24.
- 8 Perelman, C. and Olbrecht-Tyteca, L. *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation* (Notre Dame: The University of Notre Dame Press, 1971), p. 67–92; Perelman, C. *The Realm of Rhetoric* (Notre Dame: The University of Notre Dame Press, 1982), p. 21–32.
- 9 Особенно усердствуют в этом такие издания, как «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты», другие издания более сдержанны.
- 10 Указ. соч., с. 179. Исследовательница в данном случае анализирует труды начала 19 века, прежде всего работы адмирала А.С. Шишкова, вождя лагеря «архаистов».
- 11 Ries, N. *Russian Talk. Culture and Conversation During Perestroika* (Ithaca, N.Y. and London: Cornell University Press, 1997), p. 83–88.
- 12 Гудков Л. *Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов* (М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004).
- 13 Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* (М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001).
- 14 Гудков Л. «Идеологема “врага”. “Враги” как массовый синдром и механизм социокультурной интерпретации», *Образ врага*, сост. Л. Гудков, ред. Н. Конрадова (М.: ОГИ, 2005), с. 14–15.
- 15 О том же феномене в разделе «Законодательное поощрение рождаемости среди людей определенного этнического происхождения» своей статьи пишет Екатерина Михайловская, анализируя процесс обсуждения в Государственной Думе в 2005 году инициированного фракцией «Родина» проекта федерального закона «Об единовременном федеральном государственном денежном пособии семье на рождение третьего, четвертого и пятого ребенка». См.: Михайловская Е. «Фракция “Родина” в контексте националистического дискурса в Государственной Думе», *Русский национализм: социальный и культурный контекст*, сост. М. Ларюэль (М.: Новое литературное обозрение, 2008), с. 33–72.
- 16 А. Толкачева и Р. Акинфеева, исследуя СМИ Санкт-Петербурга тоже приходят к выводу, что «через СМИ идет трансляция не только этнического национализма, отождествляемого с предрассудками и ксенофобией, но и гражданского национализма, направленного на конструирование и закрепление представлений о коллективной общности» (Толкачева А., Акинфеева Р. «Национализм и толерантность в пропра-

вительственной прессе Санкт-Петербурга», *Русский национализм: Социальный и культурный контекст*, сост. М. Ларюэль (М.: Новое литературное обозрение, 2008, с. 375). Авторы данной статьи отмечают также и то, что принадлежность к «мы-группе – россияне» определяется в первую очередь культурной и исторической общностью, и в этом концепте «есть “определенные проблемные зоны”, связанные с этничностью (являются ли кавказцы частью “нас”?) и конфессией (включаются ли в эту “мы-группу” мусульмане?)». Указ. соч., с. 399.

- 17 «Литании – это речевые периоды, в которых говорящий излагает свои жалобы, обиды, тревоги по поводу разного рода неприятностей, трудностей, несчастий, болезней, утрат, а в конце концов, произносит какую-нибудь обобщенно-фаталистическую фразу или горестный риторический вопрос (например, «Ну почему у нас все так плохо?»). Завершить литанию может и тяжкий вздох, выражающий разочарование и покорность судьбе» (Рис. Нэнси. *Русские разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки*. М.: Новое лит. обозрение, 2005. с 160).
- 18 Рябов О. «Россия-матушка». *Национализм, гендер и война в России XX века* (Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007), с. 56 и 119.